

4
Т 29

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

**СЛАВЯНСКИЕ
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЯЗЫКИ
В ДОНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПЕРИОД**

(Тезисы докладов)

Москва 1969

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

СЛАВЯНСКИЕ
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЯЗЫКИ
В ДОНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

(Тезисы докладов)

Москва 1969

4

Т 29

64679

Редакционная коллегия:

Н. И. Толстой, Е. И. Демина, Г. К. Венедиктов

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ДОНАЦИОНАЛЬНОЙ ЭПОХИ

1. Основной задачей исследования древнерусского письменного языка начальной поры является выяснение понятия «литературности».

2. Вопрос о создании или образовании древнерусского письма связан самыми глубокими и тесными отношениями с проблемой возникновения и развития древнерусского литературного языка.

3. Само собою разумеется, что в процессах формирования древнерусской письменности дали себя знать культурные взаимодействия древней Руси с иностранными государствами (особенно с Византией и Болгарией).

4. Язык письменности или письменный язык и по охвату владеющего им населения и по своим социальным и культурно-общественным функциям далеко не совпадает с литературным языком и его функциональным применением.

5. Отрицать наличие литературного языка в древней Руси и подменять его языком **письменным** — нецелесообразно и неисторично. Между тем, этого мнения придерживаются многие лингвисты, к которым, например, относятся Б. В. Томашевский, С. Б. Бернштейн, А. В. Исаченко и др. Они считают, что понятие литературного языка складывается лишь в национальную эпоху (применительно к русскому языку — только в начале XIX в.) и т. п. Но что же делать с историей древнерусской литературы и с языком древнерусских летописей, повестей о Куликовской битве и т. п., а позднее с языком Жития протопопа Аввакума и проч.?

Не лучше ли исторически разъяснить структурные, функциональные и стилистические различия между древнерусским литературным языком донационального периода (примерно до середины XVII в.) и национальным русским литературным языком (примерно с XII—XVIII в.)?

6. Конечно, трудно — при современном состоянии наших исследований, относящихся к древнейшему периоду истории русского языка, — более или менее удовлетворительно восстановить

и представить процесс формирования и дальнейшего развития древнерусского литературного языка. Возможны (и они существуют с разной степенью вероятности и убедительности) три теории. Согласно одной, это — древнеболгарский или церковнославянский язык, пересаженный в качестве литературного на восточнославянскую почву и здесь постепенно овладевший всеми культурно-общественными функциями, кроме деловых, юридических и бытовых (А. А. Шахматов, Е. Ф. Карский, А. С. Будилевич, Б. Унбегаун и др.). Способы приспособления к народной восточнославянской языковой стихии и разные исторические условия развития церковнославянизмов в восточнославянской среде, а также время и результаты этих процессов в истории русского литературного языка представляются разными славистами по-разному.

7. Следует обратить особенное внимание на распространяющуюся среди славистов в Америке теорию, по которой русский литературный язык до настоящего времени остается церковнославянским, а народно-диалектные элементы в него проникли в ничтожном количестве (Б. Унбегаун, Б. Хитль-Ворт и некоторые другие). Внутренние различия в конкретизации этой теории у разных славистов.

8. Согласно другой теории, уже в древней Руси сложились два письменно-литературных языка: один — деловой русский, другой — книжно-литературный и культовый, церковнославянский. Сферы их употребления и функций были разграничены, хотя и допускалось в определенных жанрах и условиях их взаимодействие и частичное смешение. Недифференцированность терминов и прежде всего — понятия **литературный язык** имели своим последствием отсутствие цельной исторической концепции, созданной на базе этой теории. Ее главными представителями являются А. И. Соболевский и С. П. Обнорский, а за ними — многочисленные группы патриотов — воспроизводителей «чужих мнений». Внутренние различия между последователями этой теории очень велики. С. П. Обнорский, нивелировав разницу между деловой речью и литературным языком, пришел к выводу о чисто русском, народном, восточнославянском происхождении древнерусского литературного языка.

9. Главными недостатками этой теории являются неразличение или неясное различение деловой речи и литературного языка и отсутствие цельной концепции исторического развития русского литературного языка (особенно после «второго южнославянского влияния»).

10. Согласно третьей теории формирования древнерусского литературного языка, процесс его складывания определялся взаимодействием и синтезированием четырех неравноправных элементов: а) старославянского (или церковнославянского) языка; б) деловой государственно-правовой и дипломатической речи,

развивавшейся еще в дописьменную эпоху; в) языка фольклора и г) народно-диалектных элементов. Роль конденсатора, объединителя и семантического регулятора принадлежала церковнославянскому языку, а состав сплава всех этих элементов зависел от литературного жанра.

11. Изучение развития древнерусского литературного языка до эпохи второго южнославянского влияния должно быть направлено в сторону открытия закономерностей и правил взаимодействия, совмещения, скрещения, противопоставления и омонимического отталкивания руссизмов и церковнославянизмов.

12. Отдельно должен быть исследован вопрос о «церковном произношении» (теория А. А. Шахматова, исследование Б. А. Успенского).

13. Необходимо тщательно и широко изучать московские грамоты и московские литературные памятники с конца XIV по первую половину XVII в. с целью определения изменений литературного языка в эту эпоху под влиянием языка города Москвы и средневеликорусского окружения, а также разностороннего развития объема древнерусской литературы и ее жанров.

14. Историческая характеристика «второго южнославянского влияния» с вызванными им изменениями в разных сторонах или оболочках структуры русского литературного языка и обогащение литературной церковнославянской лексики.

15. Формирование и развитие с XVI в. теории и практики трех стилей русского литературного языка.

16. Постановка вопроса о процессах формирования национального русского литературного языка (XVII в. по начало XIX в.).

Б. А. Успенский

НИКОНОВСКАЯ СПРАВА И РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК (ИСТОРИЯ УДАРЕНИЯ В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ СОБСТВЕННЫХ ИМЕНАХ В ИХ ОТНОШЕНИИ К РУССКИМ ЛИТЕРАТУРНЫМ И РАЗГОВОРНЫМ ФОРМАМ)

1. Представляется, что рассмотрение личных собственных имен может иметь ключевое значение для исследования истории русского литературного (и вообще нормированного) языка, поскольку ни в какой другой лексической сфере, как кажется, не проявилось так отчетливо и с такой последовательностью разграничение (и противопоставление) церковнославянских и русских форм. Собственные имена характеризуются последовательным параллелизмом русских и церковнославянских форм, который обеспечивает возможность соответствующего перекодирования; соот-

ответственно, можно думать, именно здесь относительно рано должна была образоваться специальная русская норма, последовательно противопоставленная церковнославянской (канонической). С другой стороны, в данной ограниченной области можно с достаточной наглядностью проследить взаимоотношение русского и церковнославянского языков, в частности степень влияния последнего на первый в период становления русского литературного национального языка (со второй половины XVI в.). Иначе говоря, проблема сводится к рассмотрению — в историческом плане — соотношения между каноническими и неканоническими формами собственных имен.

Эволюция формы канонических собственных имен в значительной мере носит искусственный характер, будучи обусловлена книжной справой конца XIV—XIX вв.; в частности, известные никоновские и послениконовские исправления богослужебных текстов коснулись — отнюдь не в последнюю очередь — и формы имен (ср., например, полемику попа Лазаря и Симеона Полоцкого и ряд других полемических сочинений). Между тем архаические формы канонических имен, подвергшись исправлению в самой канонической норме, оставили большой след в русском языке, отразившись как в литературных, так и в разговорных (просторечных) формах соответствующих имен.

2. Во второй половине XVI—XVII вв. отчетливо выделяются две принципиально различающиеся между собой и друг другу противоположные традиции канонического наименования — великорусская и юго-западная. Различие этих традиций проявляется, прежде всего, в ударении собственных имен. Существование двух систем акцентовки в полной мере отвечает наличию вообще двух специальных изводов церковнославянского языка в данный период, которое проявилось в частности в наличии двух специальных систем литургического произношения (включая сюда и ударение) в Московской и Литовской Руси.

3. В большинстве случаев современные русские литературные формы собственных имен восходят к каноническим формам юго-западной традиции. Между тем, разговорные (просторечные) формы собственных имен, которые нередко противопоставлены по ударению формам литературным, обычно отражают великорусскую каноническую норму произношения.

Так, литер. **Миха́йл**, **Самуи́л**, **Измаи́л**, **Мануи́л**, **Иои́ль** и другие имена на -и́л восходят к каноническим юго-западным формам XVI—XVII вв.; разговорные формы **Миха́йло**, **Самóйло**, **Иво́йло** и т. п. отражают, напротив, ударение в старых великорусских канонических формах **Миха́ил**, **Саму́ил**, **Иема́ил**, **Ману́ил**, **Иби́ль** и др. (великорусские канонические формы сохранились в литературной форме некоторых отчеств и в форме фамилий, образованных от данных имен). Точно так же ударение в литературных формах имен на -и́й

(падающее всегда на предпоследний слог) отражает юго-западную норму церковного произношения; ср. **Авдий**, **Гордий**, **Мокий**, **Стахий**, **Евтихий**, **Савватий**, **Фбтий**, **Патрикий**, **Клавдий** и т. п. Между тем в великорусской канонической традиции все эти имена, так же как и целый ряд других имен с этим окончанием, имели (а отчасти имеют и сейчас) ударение на окончании; отсюда разговорные **Авдэй**, **Гордэй**, **Мокэй**, **Стахэй**, **Евтифэй**, **Савватэй**, **Фотэй**, **Патрикэй**, **Клавдэй** и др. Совершенно аналогично современные литер. **Ониси́фор**, **Феофа́н** отражают старые юго-западные канонические формы, между тем как соответствующие великорусские канонические формы **Ониси́фор**, **Феобфан** определили разговорные варианты **Анци́фер**, **Фбфан** (ср. имя нарицательное от последнего имени); формы род. падежа **Флора́** (**Фрб́ла**) и **Лавра́** отражают опять-таки старую юго-западную каноническую традицию, тогда как в московском церковном произношении было **Флора́**, **Лавра́** (последние формы сохранились в фамилиях **Фроло́в**, **Лавро́в**).

В относительно меньшем количестве случаев литературные формы собственных имен восходят к каноническим формам не юго-западной, а великорусской традиции, например, **Прбо́хор**, **Ма́мант**, **Ма́ксим**, **Они́сим** (специфическими юго-западными формами являлись **Прохо́р**, **Мама́нт**, **Ма́ксим**, **Онисим**). Ср. еще имена **Евси́гний**/**Евстигнэй**, **По́мпий**/**Помпéй**, **Ермий**/**Ерме́й**, которые имеют по два варианта в литературном языке, причем один вариант обусловлен юго-западной канонической нормой, а другой — великорусской.

В нескольких (исключительных) случаях литературная форма имени отражает великорусскую каноническую форму, а разговорная форма — юго-западную каноническую форму. Ср. литер. **Евдо́кия**, **Анаста́сия**, **Три́фон**, соответствующие каноническим формам, но разг. **Авдо́тья**, **Наста́сья**, **Трифáн**, соответствующие юго-западным каноническим **Евдо́кия**, **Анаста́сия**, **Трифби́н**. Естественно ожидать тогда, что юго-западная каноническая форма является более архаичной, т. е. что в свое время она была представлена и в Московской Руси (это действительно можно проследить в отношении имени **Анастасия**) и лишь впоследствии была заменена на относительно позднейшую форму.

В итоге представляется возможным утверждать, что русские литературные формы собственных имен в абсолютном большинстве случаев восходят к соответствующим каноническим формам XVI—XVII вв., причем преимущественно юго-западной церковной традиции. В значительной степени такое утверждение может быть распространено и на разговорные формы — с той только разницей, что последние обычно соотносятся с великорусской канонической нормой. Это влияние юго-западного церковного произношения на литературный язык естественно поставить в связь с наплывом в Москву юго-западного духовенства во второй половине XVII—XVIII вв.

ОБЩИЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ УКРАИНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

1. Формирование украинского литературного языка донационального периода имеет немало общих черт с развитием других славянских литературных языков. К ним относятся в первую очередь стандартизованность письменно-литературного языка уже на начальном этапе его развития, его наддиалектный характер, функционирование на всей языковой (и этнической) территории.

2. Особенностью становления украинского письменно-литературного языка является переходный украинско-белорусский этап, относящийся к донациональному периоду, а также позднейшее расщепление его на два литературных типа с разными диалектными основами и разными литературными нормами.

3. В XIV—XV в. в юго-западной части восточнославянской территории формируется на древнерусской основе общий украинско-белорусский письменно-литературный язык, который в разных своих видах просуществовал до середины XVII в.

4. Засвидетельствованный на начальном этапе своего развития главным образом в памятниках уже сложившегося делового жанра с характерной для них ориентацией на структуру латинских документов, язык этих памятников представляет собой вполне стандартизованный письменно-литературный тип.

5. Созданный в канцеляриях Галицко-Волынского княжества и Литовско-Русского государства, «западнорусский» язык отчетливо отражает фонологическую дифференциацию территории, на которой он функционирует (противопоставление южнобелорусских и северноукраинских говоров южноукраинским в отношении трактовки **ѣ** — 'а (<е) в ударном/безударном слоге; белорусских говоров украинским в отношении трактовки **о**, **е** в новом закрытом слоге, смешения **ы** — **и**). Особенностью этих фонологических противопоставлений, в отличие от конкурировавших параллельных морфологических вариантов, была их взаимоисключаемость, невозможность чередования их в одном и том же территориальном диалекте.

6. Расширение тематических рамок литературы в XVI в. создает потребность в стилистической дифференциации языковых средств. «Западнорусский» язык расщепляется на две разновидности: «просту», или «руську мову», которая функционирует как средний стиль, и «славенорусский», западнорусский тип книжнославянского языка, действующий на правах высокого стиля.

7. На протяжении XVI—XVII в. «руська мова» насыщается все большим числом полонизмов, перерождаясь в произведениях отдельных писателей в западнорусско-польский макаронизм.

8. Исторические события второй половины XVII в. положили конец западнорусскому периоду в развитии украинского литературного языка. Разделение Украины на Восточную (в рамках русского государства) и Западную (в составе польского, а затем австро-венгерского государства) привело к разветвлению до того времени единого пути развития украинского литературного языка.

А. И. Журавский

ПРОБЛЕМА ИСТОЧНИКОВ СТАРОБЕЛОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Важным условием плодотворного изучения белорусского литературного языка древнего периода является определение его источников. В старину белорусский литературный язык развивался в условиях письменного многоязычия: общественная и культурная жизнь белорусов обслуживалась белорусским, книжнославянским, польским и латинским языками с разграничением их в сферах функционирования.

Отграничение польских и латинских памятников не составляет никаких трудностей, так как польский и латинский языки своим графико-орфографическим обликом, грамматическим строем и словарным составом слишком заметно противопоставляются белорусскому языку.

В отличие от этого между белорусским и книжнославянским языками наблюдалось активное двустороннее взаимодействие: в белорусские произведения широко проникала книжнославянская стихия, а памятники на книжнославянском языке обильно насыщались белорусскими особенностями. Вследствие этого иногда вообще оказывается трудным определить границу между теми и другими и категорически утверждать, с белорусским или книжнославянским текстом приходится иметь дело. Отнесение таких памятников к белорусскому или книжнославянскому языку должно основываться на количественном учете того, каким материалом — белорусским или книжнославянским — заполнялись в тексте те звенья фонетики, грамматики и лексики, которые отличают белорусский язык от книжнославянского.

При изучении истории белорусского литературного языка более сложной оказывается проблема разграничения белорусских и украинских памятников. В практике решения этой проблемы принадлежность памятников обыкновенно определяется одним из следующих трех показателей: территория возникновения памятника, национальность его автора и языковой анализ.

Однако ознакомление с памятниками старинной белорусской письменности показывает, что наибольшее значение здесь имеет территориальный признак и менее важными оказываются такие критерии, как национальность автора и языковой анализ.

В средневековую эпоху белорусским литературным языком пользовались не только белорусы, но также украинцы, русские, поляки и литовцы, которые проживали в Белоруссии и создавали здесь свои произведения на местном языке. В произведениях таких авторов потенциально возможны и практически отмечаются особенности соответственно украинского, русского, польского и литовского языков, однако иноязычные спорадические элементы вовсе не подменяют белорусской языковой основы таких памятников и потому не могут служить основанием для исключения их из числа источников белорусского литературного языка древнего периода.

С другой стороны, белорусским авторам в силу разных причин тоже приходилось жить за пределами своей родины (Россия, Польша, Украина) и создавать там свои произведения, приспосабливаясь к местной языковой ситуации. В таких произведениях могут в большей или меньшей мере отражаться особенности белорусского языка, но это вовсе не значит, что подобные памятники должны служить источниками белорусского литературного языка (деятельность Симеона Полоцкого московского периода является наиболее ярким примером этого).

История литературного языка — это прежде всего история языка письменности как совокупности памятников, бывших в употреблении у данного народа и призванных удовлетворять его общественные интересы и эстетические вкусы, независимо от того, максимально ли сближен язык этой письменности с народной речью своего времени или же он значительно отражает внешние влияния. Применительно к древнему периоду состав этой письменности как раз и определяется по территориальному признаку, а не по национальности авторов или языковому анализу.

М. Г. Булахов

СТАРОБЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК КАК ПОСРЕДНИК В РУССКО-ПОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВЫХ СВЯЗЯХ XVI—XVII вв.

1. Преднациональный период развития славянских литературных языков характеризуется значительным усилением контактов, обусловленных расширением экономических, политических и культурных связей между славянскими странами, неустойчивостью феодально-государственных границ, передвижением значительных

масс разноязычного населения с одной территории на другие, военными событиями и т. п.

2. В указанный период особенно интенсивно развивались связи между Московским государством и Польским королевством, что способствовало широкому взаимопроникновению лексических, фразеологических и грамматических (преимущественно синтаксических) средств русского и польского языков. Эти средства в научной литературе обычно рассматриваются как результат прямого заимствования или взаимообразного обмена между двумя языками. Такой подход дает очень упрощенное представление о действительных процессах межславянского общения. Здесь не учитывается ряд факторов, существенно осложнявших межязыковую интерференцию (в широком значении этого термина). Один из таких факторов — отсутствие смежных контактирующих великорусских и польских диалектов и наличие между территорией распространения великорусского и польского языков географически обширного ареала с белорусским и украинским языками. Последние являлись своеобразным барьером на пути проникновения элементов из одного языка в другой, но в то же время они были активными посредниками русско-польских языковых отношений.

3. После появления ценных работ по истории русского, польского, белорусского и украинского языков и углубленного исследования письменных памятников донационального периода есть возможность всесторонне сопоставить полученные данные, уточнить ранее высказанные положения о времени и путях проникновения многих элементов из русского языка в польский и наоборот, воссоздать более объективную картину сложных взаимоотношений между определенными группами славянских литературно-письменных и литературно-разговорных языков.

4. Новые факты и материалы, содержащиеся в лингвистических исследованиях последнего времени, принципиально важны для решения целого ряда славистических проблем, в частности таких, как характер восточнославянского-западославянского билингвизма и его значение для дальнейших судеб литературных языков; роль западославянских языков как передатчика заимствований из языков народов Западной Европы в славянские языки Восточной Европы; отношение славянских литературно-письменных языков XVI—XVII вв. к старославянскому (церковнославянскому) наследию; соотношение письменно-литературных и народно-разговорных структурных элементов в период складывания национальных норм и др.

ВОПРОС О «НАЧАЛЕ» СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В СВЕТЕ ОБЩЕЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В БОЛГАРИИ

Важнейшая задача создания систематического курса истории современного болгарского литературного языка, решение которой до сих пор находится на стадии предварительной разработки, выдвинула на первый план вопрос о самом объекте подобного описания. В работах последних лет он сформулирован как вопрос о «начале» современного болгарского литературного языка. В зависимости от ответа, начинается ли история современного литературного языка с языка дамаскинов (Б. Велчева, ранее — Б. Цонев), Паисия Хилендарского (Л. Андрейчин, С. Б. Бернштейн, Е. Георгиева), Софрония Врачанского (Л. Тодоров), П. Берона (Г. К. Венедиктов) — из общей истории языка письменности в Болгарии вычленяется различный по своим хронологическим рамкам этап, а внутри последнего — конкретные формы книжного языка, которые предлагается рассматривать в свете поставленной проблемы. Иными словами решение вопроса о начале современного литературного языка влечет за собой вполне определенное решение одного из вопросов периодизации истории литературного языка в Болгарии.

По-видимому, есть смысл отвлечься на время от данной актуальной, но ограниченной постановки вопроса и взглянуть на ту же проблему с более широкой точки зрения — с точки зрения задачи общей периодизации истории литературного языка в Болгарии. Критерии такой периодизации, на наш взгляд, следует искать в особенностях самого функционирования литературного языка в той или иной историко-культурной ситуации, в смене этих ситуаций. Нет оснований непосредственно связывать периодизацию истории литературного языка с периодизацией истории общественных формаций, как это делает, например, Л. Тодоров, выделяющий в истории болгарского литературного языка два основных периода: старый литературный язык эпохи феодализма и народности и новый литературный язык эпохи нации.

Исходя из предложенного выше критерия, целесообразно выделить следующие основные периоды истории литературного языка в Болгарии.

1. Период с IX до конца XVI в., характеризующийся единством литературного языка в Болгарии, в роли которого, как известно, выступал древнеболгарский (древнецерковнославянский) литературный язык, точнее хронологически сменявшие одна другую или хронологически сосуществовавшие редакции этого языка, не

затрагивавшие существенно его грамматическую и словарную основу. Этот синтетический по своей грамматической структуре литературный язык, обслуживавший нужды конфессиональной литературы и не имевший своей устной разновидности, уже с XIV—XV вв. коренным образом отличался от живого общенародного болгарского языка, обладавшего к этому времени развитым аналитическим строем. Последнее обстоятельство в значительной мере определило дальнейшую судьбу литературного языка.

2. Период XVII — первой половины XIX в., характеризующийся сосуществованием в Болгарии различных типов письменного языка, претендующих на роль литературного, тенденцией к демократизации литературного языка, к сближению его с народно-разговорным при сохранении в то же время его наддиалектного, книжного характера. В рамках этого периода по широте задач, которые призваны были выполнять вновь создаваемые типы письменного языка, различаются донациональный этап (язык новоболгарских дамаскинов, восходящих к архетипам XVII в., Иосифа Брадатого — Паисия Хилендарского, Софрония Врачанского) и этап становления нации с его тенденцией к выработке и кодификации единых норм литературного языка и бурной борьбой мнений по данному вопросу. Специфической чертой выделенного периода в целом является острая постановка вопроса о соотношении в литературном языке народно-разговорной основы и книжной традиции, который по-своему решался каждым вновь создаваемым типом письменного языка.

3. Период с 70-х гг. XIX в. по настоящее время, характеризующийся единством общепринятого в Болгарии нормированного литературного языка, который развивается и совершенствуется в рамках присущей ему аналитической структуры. Таким языком является современный болгарский литературный язык в его письменной и устной разновидностях.

Для понимания особенностей современного болгарского литературного языка принципиально важное значение имеет второй, переходный период в истории литературного языка в Болгарии. Именно в этот период в процессе возникновения, сосуществования, взаимовлияния и смены различных типов письменного языка постепенно формировались особенности, присущие грамматике, словарю и отчасти стилю принятого ныне литературного языка. Особое место в этом процессе занимает новоболгарский в своей основе язык дамаскинов начала XVII в., явившийся качественным скачком в истории литературного языка в Болгарии. Церковнославянский язык болгаро-сербской и русской редакций, еще употреблявшийся в списках со старших оригиналов, при создании новых произведений не используется. Как показали исследования последних лет, влияние языка новоболгарских дамаскинов на деятельность первых писателей возрожденцев, а тем самым и на дальнейшую литературно-языковую традицию, явно недооцени-

валось. Большого внимания в свою очередь заслуживает вопрос о преемственности в языке Иосифа Брадатого, Паисия Хилендарского, Софония Врачанского, Берона и других книжников начала XIX в.

Нет оснований расчленять этот единый, взаимообусловленный процесс, выделяя из сложнейшей историко-культурной ситуации какой-либо один из типов языка (например, как это особенно часто делается, язык Паисия) и возводя его в ранг «начала» современного литературного языка. Весь данный период, начало которому положила деятельность безвестных книжников-дамаскинарей, впервые создавших аналитический по своему грамматическому строю тип письменного языка на народной основе, должен составить предмет **предыстории** современного литературного языка, значение которой для понимания особенностей этого языка трудно переоценить.

Н. И. Токастой

СЛАВЯНСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЯЗЫКИ И ИХ ФУНКЦИИ В СОВРЕМЕННЫЙ И ДОНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Под «региональным литературным языком» (РЛЯ) можно понимать в той или иной степени нормированный письменный язык, связанный с отдельной диалектно достаточно обособленной территорией, функционирующий как правило в жанрово ограниченной сфере наряду с другим родственным (а иногда и неродственным) национальным литературным языком (НЛЯ). Славянские РЛЯ еще не были предметом специального рассмотрения. К современным славянским РЛЯ относятся: южн.-слав.— кайкавский и чакавский «поэтические» языки, язык градишчанских (бургенландских) хорватов в Австрии (на чакавской основе); зап.-слав.— кашубский и ляшский (их право на обладание письменно-литературной формой оспаривается); вост.-слав.— русинский, находящийся в южнославянском языковом окружении и созданный на основе западного карпатско-украинского диалекта, близкого к восточнословацким говорам. Некоторые из этих РЛЯ имеют свою историю (чакавский, кайкавский, в меньшей мере кашубский), другие — продукт опытов и свершений новейшего времени. Аналогичные явления наблюдаются в романском и нероманском языковом мире.

Термин «региональный» воспринимается в наше время как коррелят термина «(обще)национальный». НЛЯ противопоставляется региональному по следующим основным признакам: а) поливалентность — неполивалентность, б) жанровая неограниченность —

ограниченность, в) строгая нормированность — нестрогая («свободная», или окказиональная и т. п.) нормированность (это отражается в разных РЛЯ по-разному), г) наличие устной формы и нормы — отсутствие устной нормы (почти во всех случаях устной формой служит диалектная речь).

Хотя условия возникновения и бытования РЛЯ тесно связаны с многими экстралингвистическими факторами, из коих для ряда РЛЯ в первую очередь следует выдвинуть территориальную обособленность от основного близкородственного диалектного континуума (русинский, чакавский, градишчанский) либо осознание языковой и этнографической специфичности в среде, где пользуются РЛЯ или возникают попытки его создания и т. п.; фактор наличия отдельной нации не является определяющим; более того во всех случаях создания современных славянских РЛЯ он в общем отсутствовал. Поэтому неправомерна постановка вопроса, которую предложил Я. Белич: отдельный РЛЯ — отдельная нация; нет условия для создания отдельной нации — не может быть речи о существовании РЛЯ (см: «*Philologica Pragensia*», 1967, № 2).

Структура и функционирование современных славянских РЛЯ представляет значительный интерес не только в синхронно-описательном плане, но и в плане сопоставительном при рассмотрении аналогичных ситуаций в период, предшествующий формированию НЛЯ, и даже в более ранние эпохи.

Донациональный период можно рассматривать как период достаточно энергичной и интенсивной конкуренции региональных, областных вариантов литературного языка, каждый из которых (кроме довольно редких исключений) претендовал на роль общего языка. Таково было положение у словенцев, хорватов, болгар и македонцев, украинцев. Ср. словенские опыты создания НЛЯ на доленьской, гореньской, штирийской, каринтийской и замурской основе, хорватские — на кайкавской, славонской штокавской, боснийской штокавской, чакавской основе, болгарские — на северо-восточной, западной, македонской и даже шопской основе и т. п. Стремление к завоеванию права на общенациональную функцию в значительной мере обусловило такие особенности РЛЯ, как высокая во многих случаях степень «открытости», восприимчивость элементов языка других зон, других «вариантов» (проектов), наконец, различное отношение к языку предшествующего и более древнего периода (древнеславянскому, языку далматинской литературы и т. п.). В тенденции выполнить одновременно две задачи — а) максимально приблизиться к народно-диалектной речи («пиши как говоришь!») и б) стать общим языком для всей нации — заложено трудно преодолимое противоречие, обусловленное диалектными различиями. Такое противоречие требовало компромиссных решений, принимаемых часто на основе не лингвистических, а демографических, социально-экономических и

культурно-политических факторов (численность населения и территориальный объем опорного диалекта, экономическая и культурная роль области распространения опорного диалекта).

Время прекращения конкуренции РЛЯ (=вариантов, проектов НЛЯ) можно считать сроком окончательного становления НЛЯ. Языки с давней письменно-литературной традицией (русский, польский, чешский) не переживали подобного процесса становления НЛЯ.

Г. К. Венедиктов

ПРОБЛЕМА НОРМЫ УСТНОЙ РЕЧИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Вторая и третья четверти XIX в. — важнейший период в истории современного болгарского литературного языка, когда начинается собственно его история и в общих чертах устанавливаются основные его особенности в области грамматики и лексики, а также орфографии и орфоэпии. Это время характеризуется зарождением и протеканием острой борьбы мнений по разным вопросам литературного языка, важнейшими из которых были установление его основы (архаизованной «словенской» или народно-разговорной, а в последнем случае и определение конкретной моно- или полидиалектной базы) и создание единого, т. е. общего для всех болгар, литературного языка.

Важную проблему истории почти каждого литературного языка на разных ее этапах составляет соотношение двух его форм (вариантов или стилей) — письменного языка и устной, литературной речи. В начале создания любого современного языка на первый план выдвигается задача нормализации письменного языка. Современный болгарский литературный язык в этом отношении не представляет исключения. В первые десятилетия его истории основное внимание грамматистов и других книжников было направлено на достижение единства письменного языка. Нормализация же устной речи в целом представлялась менее актуальной и необходимой, хотя она и рассматривалась как составная часть общей нормализации литературного языка. Высказывалось, однако, и мнение, что устная речь вообще не подлежит нормализации и что, следовательно, единство устной формы болгарского литературного языка не достижимо.

Нормализация устной речи рассматривалась как установление «правильной» речи, которой должны владеть все образованные

болгары. Ведущая роль в этом отводилась грамматике, которая «учит, как надо говорить и писать правильно по-болгарски».

Кодификация норм устной речи в значительной мере определялась взглядами грамматистов и других книжников на нормализацию литературного языка вообще и прежде всего на характер его основы и соотношение его устной и письменной форм. И поскольку по этим вопросам высказывались различные мнения, постольку и «правильная» устная, т. е. литературная, речь разными кодификаторами наделялась не всегда одинаковыми признаками (нормами).

С самого начала формирования современного болгарского литературного языка не все уровни устной речи подвергались нормализации в одинаковой мере. Здесь, как и в письменном языке, наиболее важной считалась нормализация некоторых явлений морфологии, представлявших значительное разнообразие по диалектам (например, членные формы, форма будущего времени, глагольные окончания, некоторые местоименные формы и др.). Что касается синтаксиса, то нормализации его в устной речи на начальном этапе почти не уделялось внимания. Нормализация лексики в устной речи, как и в письменном языке, по-видимому, сводилась главным образом к ограничению употребления иноязычных, прежде всего турецких, слов. Более или менее строгих ограничений в употреблении местных диалектных слов (не иноязычных) первоначально не было, хотя и в это время использование узколокальных слов, вероятно, уже рассматривалось (по крайней мере некоторыми) как не соответствующее требованиям «правильной» речи. Нормализация литературной речи, таким образом, в области грамматики и лексики в общих чертах следовала тем правилам, которые устанавливались для письменного языка и которые отражали особенности северо-восточного наречия.

Важную специфику литературной речи составляют, как известно, орфоэпические нормы. В условиях значительных диалектных различий в области фонетики на болгарской языковой территории установление единых орфоэпических норм было сопряжено с особенно серьезными трудностями преодоления местных особенностей произношения, навязывавшихся отдельными книжниками в качестве общеполгарских произносительных норм. В конечном итоге и основу орфоэпических норм составили особенности произношения северо-восточного наречия. Известную нормирующую роль в области орфоэпии играла также и письменная традиция, следовавшая в большей или меньшей мере этимологическому правописанию.

В целом можно утверждать, что к началу 70-х годов XIX в. некоторые нормы литературной речи в области грамматики (морфологии) и орфоэпии в основном уже определились. Менее определенной — в плане дифференциации литературное/нелитературное или «правильное»/«неправильное» — оставалась лексика. Это,

64679

17

БИБЛИОТЕКА

однако, не означает, что данные нормы были твердо усвоены и что носители литературного языка — образованные болгары — им следовали в живой речи. На практике и образованные болгары, видимо, продолжали следовать своему родному наречию в большей мере, чем предписывавшимся в грамматиках правилам. Стабилизация норм устной речи происходит в последующие десятилетия вплоть до настоящего времени.

Л. Н. Смирнов

О РОЛИ А. БЕРНОЛАКА (1762—1813) В ИСТОРИИ СЛОВАЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

1. Деятельность Антона Бернолака — словацкого просветителя и ученого-языковеда, первого кодификатора литературного словацкого языка — привлекала внимание многих исследователей. Характер бернолаковского движения, его идейные предпосылки, цели и направленность языковой реформы получали порой крайне противоположную трактовку и оценку. И в настоящее время эти вопросы продолжают дискутироваться.

2. Языковая реформа А. Бернолака — начальный этап в развитии самостоятельного словацкого литературного языка. Языковая ситуация в Словакии в XVII—XVIII в. Роль чешского литературного языка в этот период. Важность учета экстралингвистических факторов, обусловивших выступление Бернолака.

3. Основное в деятельности Бернолака — его лингвистические труды, представляющие собой продуманную, целостную программу по узакониванию литературного словацкого языка.

Краткая характеристика литературных норм, кодифицированных Бернолаком. Отношение «бернолаковщины» к словацким диалектам и чешскому литературному языку («библичина»). «Западнословацкий культурный язык» как основная база и один из источников «бернолаковщины». Необходимость дальнейшего изучения «составляющих» западнословацкого культурного языка. Бернолаковщина — важный и закономерный этап в процессе формирования словацкого литературного языка (тенденция словакизации «библичины», возникновение локально и функционально ограниченных «культурных языков», кодифицирование различных типов единого нормализованного литературного языка).

4. Роль и место бернолаковщины в последующем развитии словацкого литературного языка. Разграничение двух аспектов: собственно лингвистического (литература на бернолаковщине, судьба литературно-языковых норм, отказ на последующем

историческом этапе от самого типа литературного языка) и национально-культурного (существенный вклад в формирование словацкого национального самосознания, положительная оценка патристических устремлений Бернолака и принципиальной направленности его языковой реформы Л. Штуром).

5. Бернолак заложил основы самостоятельного словацкого литературного языка, сделав первый новаторский шаг на пути его нормализации и унификации. Труды Бернолака оказали заметное влияние и на развитие словацкой национальной культуры. В языковой реформе Бернолака можно видеть одно из проявлений начинающегося процесса формирования словацкой нации.

Р. М. Цейтлин

О ЛЕКСИЧЕСКОЙ НОРМЕ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

1. Старославянскими памятниками в отличие от церковнославянских рукописей различных редакций мы называем следующие 15 памятников древнеболгарской письменности X—XI вв.: Зографское евангелие, Мариинское евангелие, Ассеманиево евангелие, Саввина книга, Охридские глаголические отрывки, Листки Ундольского, Синайская псалтырь, Синайский евхологий, Синайский служебник, Клоцов сборник, Супрасльская рукопись, Хиладарские листки, Рыльские листки, Зографские листки, Енинский апостол.

2. Все эти памятники, очень близкие по языковым особенностям, в том числе и в словарном составе, по своему словоупотреблению распадаются на группы, каждая из которых характеризуется определенным лексическим своеобразием, своей лексической нормой. Это своеобразие проявляется в употреблении в каждой из групп различных категорий слов, однокоренных слов в различном аффиксальном оформлении (слов-вариантов), наличии значительного количества дублетов, употреблении одних и тех же слов, но в разных значениях. Эти различия значительно глубже и пронизывают всю систему в отличие от известных лексических примет Охридской и Преславской школ письменности.

3. Эти особенности старославянской лексики принадлежат к наиболее существенным отличиям языка названных текстов от так называемого классического старославянского языка, непосредственно в памятниках не зафиксированного. Важно подчеркнуть что указанные лексические различия связаны не только с содержанием рукописей (книги нового или ветхого завета, литургические тексты, гомилии), но и с местом и временем их создания, с говором писца. Именно эти последние особенности имеют первосте-

пенное значение для собственно лингвистического изучения памятника как факта старославянского языка, тогда как особенности, связанные с «заданным» содержанием памятника, являются определяющими для текстологического исследования рукописи.

4. Сравнение особенностей словоупотребления выделенных текстов с памятниками, аналогичными по содержанию, но созданными позднее, принадлежащими к различным церковнославянским редакциям, также показывает, что лексические особенности памятника обусловлены столько же его содержанием, сколько и историческими обстоятельствами места и времени его создания. Так, например, лексика Вуканова евангелия, сербской рукописи конца XII в., значительно отличается от лексики евангелий XI в. и в то же время в области своих «новообразований» имеет много общего со словарем Супрасльской рукописи.

5. Дифференцированное изучение лексики перечисленных памятников — один из важных источников, позволяющих существенным образом восполнить недостаток наших знаний о лексике старославянского языка, связанный с тем, что до нас дошли только перечисленные 15 рукописей, содержащие все вместе менее 10 000 слов. Между тем для изучения лексики древнего письменного языка необходим гораздо более обширный и разнообразный состав памятников, чем для установления фонетической и грамматической систем. Метод дифференцированного изучения лексики старославянских текстов является одним из немногих приемов восстановления реально существовавшего словарного запаса старославянского языка. Такое восстановление словаря старославянского языка на основе известных нам слов даст возможность значительно увеличить и конкретизировать наши сведения о развитии славянских языков первых эпох письменности.

6. На данном этапе исследования мы выделяем только две группы памятников с различными нормами словоупотребления. Центр первой — Зографский и Мариинский кодексы, центр второй — Супрасльская рукопись. Ограниченный объем и, следовательно, словарный запас отдельных памятников не позволяет с достаточной определенностью их классифицировать (хотя нет ни одного старославянского памятника, в котором бы не было слов, только в нем употребляемых).

БИЛИНГВИЗМ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ И СОЗДАНИЕ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

1. Изучение исторических источников показывает, что славянским первоучителям Кириллу и Мефодию в аспекте психологии был свойствен координативный билингвизм.

2. Перевод осуществлялся с высоко развитого литературного строго нормированного языка, упорядоченного в области абстрактной (богословской) терминологии, на язык устного и почти исключительно бытового общения. Планы содержания двух языков по этой причине совпали лишь в некоторой (малой) мере, оказавшейся совершенно недостаточной.

3. Эту меру при координативном билингвизме, как показывают данные литературы вопроса, можно увеличить — и она способна увеличиваться спонтанно — за счет языковой мены. Отметим, что один из языков в этом случае оказывается индивидуальным, т. е. не соотносенным с соответствующей языковой общностью.

4. Языковая мена — понятие, сопряженное с понятием языковой принадлежности. Они оба являются эффективно определяемыми, и в данном случае они определяются через рассмотрение процедуры лингвистического анализа в ходе поисков языковых единиц.

5. Языковая мена не ограничена ни одним уровнем языка. Справедливость этого утверждения — в добавление к иным материалам — показывается исследованием переводов, безусловно усвояемых первоучителями — Евангелия (краткий апракос), Апостола (апракос) и Псалтыри, причем учитываются опубликованные списки не моложе XI в. (изводы для наших задач несущественны). Устанавливаются совпадающие формы языковой мены во всех трех книгах, что как минимум свидетельствует о единой переводческой школе.

6. Языковая мена, однако, ограничена экстралингвистически. В монолингвистичной аудитории прямое непонимание и искажения при восприятии наблюдаются при мене на уровне морфем (всегда) и моделей словоформ (часто). Языковая мена на уровнях моделей основ, словосочетаний и фраз при восприятии приводит к малым искажениям плана содержания. Этим объясняется большая встречаемость в славянских переводах трех книг мены на перечисленных уровнях.

7. Широкое использование языковой мены возможно еще и потому, что религиозным языком преимущественно передается не интеллектуальная, а эстетико-эмоциональная информация (Н. Морманн), которая не связана с восприятием смысла текста.

8. Создание нового индивидуального языка при использовании мены приводит также к усвоению готовых стилистических фигур, т. е. этот язык легко получает свойство художественности.

9. Индивидуальный язык, возникший описанным способом, с течением времени — предполагается также ряд благоприятных социальных условий — соотносится с языковой общностью. Так возникает литературный язык. Критика концепции Э. Георгиева в связи с ролью индивидуального языка.

10. Древнеславянский литературный язык, созданный Кириллом и Мефодием, ограничен тематически. Поэтому, когда его стали применять для широкого круга коммуникативных целей, он модифицировался, оставшись самим собой лексически и в меньшей мере стилистически.

11. Описанный путь возникновения литературного языка находит аналогию в создании литературных языков в условиях билингвизма в наше время.

А. Е. Супрун

ПОЛАБСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ

Изучение становления литературных языков, с одной стороны включает в себя рассмотрение формирования тех черт, которые характерны для литературных языков по сравнению с нелитературными языками различных типов, а с другой, должно включать анализ долитературного состояния языков. Полабский язык не успел стать литературным. До нас дошли только словарные записи, включающие несколько десятков сочетаний слов, а также несколько небольших текстов, составляющих в общей сложности около двух или трех печатных страниц. Эти фрагменты, видимо, не представляют собой остатков полабского литературного языка, но являются просто зафиксированными (большой частью немцами) отрывками живой разговорной речи.

С учетом высказанных соображений изучение фразеологии полабского языка представляет интерес как для полабистики, так и для изучения долитературной стадии развития фразеологии в славянских языках.

Специфика полабского языкового материала диктует своеобразные методы вскрытия и анализа полабских фразеологизмов. Скудность текстов не позволяет использовать количественно-дистрибуционные приемы исследования, примененные в нашей науке, например, к старославянскому языку. С другой стороны, тут нет и возможности опереться на интуицию говорящих и слушающих, как в случае с изучением фразеологии современных живых языков.

Докладчик базируется на протранскрибированных в 7 разделе словаря К. Полянского и Д. А. Зенерта полабских текстах, предложениях и сочетаниях слов, прибегая в нужных случаях к изданиям полабских памятников Р. Олеша и П. Роста. Разумеется рассматриваемый материал в какой-то мере полон лишь по отношению к сохранившимся источникам, но не к полабскому языку в целом, поскольку многое из полабской фразеологии до нас не дошло.

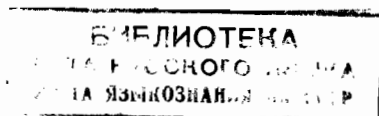
Методика анализа полабской фразеологии базируется на выяснении (насколько это возможно) идиоматичности полабских выражений по отношению к немецкому языку, на выяснении устойчивости сочетаний путем сопоставления с другими славянскими языками и, частично, путем сравнения данных памятников полабского языка (которые во многих случаях зависят друг от друга, а потому и не могут дать достаточных сведений по этому вопросу). Предполагается, далее, что наличие инославянских соответствий для полабских сочетаний, если эти соответствия относительно устойчивы, в определенной мере свидетельствует о возможности возникновения их в период общности данных языков с полабским, хотя и не является доказательством общего происхождения сочетаний.

Примеры полабских фразеологизмов: *dübrä jautrü* «доброе утро», *dübrë dan* «добрый день», *dübrë vicer* «добрый вечер»; *dâzd aidë* «идет дождь», *aidë sneg* «идет снег»; *paivü vore* «варить пиво», *drâva reza* «пилить дрова»; *jadân jidaine vatrük* «единственный сын»; *pâtincë mlâka* «птичье молоко»; *püd sem eg* «поди сюда»; *sâ süjä vilä* «по своей воле».

Рассмотрение полабской фразеологии в ее отношении фразеологии других славянских языков имеет как полабистическое, так и общеславистическое значение.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>В. В. Виноградов</i> (Москва). Основные проблемы и задачи изучения русского литературного языка донациональной эпохи	3
<i>Б. А. Успенский</i> (Москва). Никоновская справа и русский литературный язык (История ударения в церковнославянских собственных именах в их отношении к русским литературным и разговорным формам).	5
<i>Л. Л. Гумецкая</i> (Львов). Общие и специфические особенности формирования украинского литературного языка	8
<i>А. И. Журавский</i> (Минск). Проблема источников старобелорусского литературного языка.	9
<i>М. Г. Булахов</i> (Минск). Старобелорусский язык как посредник в русско-польских языковых связях XVI — XVII вв.	10
<i>Е. И. Демина</i> (Москва). Вопрос о «начале» современного болгарского литературного языка в свете общей периодизации истории литературного языка в Болгарии	12
<i>Н. И. Толстой</i> (Москва). Славянские региональные литературные языки и их функции в современный и донациональный период	14
<i>Г. К. Венедиктов</i> (Москва). Проблема нормы устной речи на начальном этапе формирования современного болгарского литературного языка	16
<i>Л. Н. Смирнов</i> (Москва). О роли А. Бернолака (1762—1813) в истории словацкого литературного языка.	18
<i>Р. М. Цейтлин</i> (Москва). О лексической норме старославянского языка	19
<i>Е. М. Верещагин</i> (Москва). Билингвизм Кирилла и Мефодия и создание древнеславянского литературного языка	21
<i>А. Е. Супрун</i> (Москва). Полабская фразеология	22

Т-18729 27/XII-68 г. Тираж 275 Зак. 1542

2 тип. изд-ва «Наука»